Курицын, А.И. [Рецензия] / А.И. Курицын // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 7 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. - Минск: БГУ, 2012. – С. 330-336 – Рец. На кн.: Аблажей Н. Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2007.

АБЛАЖЕЙ Н. Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения РАН, 2007. 300 с.

История русской эмиграции за последние годы сформировалась в одно из важнейших направлений российской историографии. Среди прочих центров эмигрантского расселения пристальное внимание российских исследователей привлекла судьба русской диаспоры в Китае. Дальневосточной ветви русской эмиграции посвящены многочисленные монографии, сборники документов, статьи российских исследователей. К наиболее известным из них можно отнести работы Г. В. Мелихова, А. Ф. Говердовской, В. Ф. Печерицы [1—3].

Изучение российской, и в частности русской, эмиграции на Дальнем Востоке фактически началось сразу же после окончания Гражданской войны. Так, уже в первой половине 1920-х гг. появляются первые публикации по данной проблеме таких авторов, как Р. Нарраевский, В. Десницкий, И. Гуковский. В советской периодике активно печатались материалы о жизни российской дальневосточной диаспоры. Среди наиболее известных периодических изданий необходимо отметить, прежде всего, журнал «Красный архив».

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. историографическая ситуация в СССР начала меняться. В исторической науке превалировали идеологизация и схематизация историче-

ского знания. Задачей исследователей объявлялось не столько изучение исторического процесса, сколько борьба с «вражеской идеологией».

В советской историографии доминировало упрощенное и одностороннее изображение Белого движения и российской эмиграции как «белогвардейских банд и беженской накипи», занятых исключительно клеветой на СССР. Для работ этого периода характерны политизированность, субъективизм, обостренная полемичность в оценках и восприятии русского зарубежья [4—6]. Основное внимание уделялось военно-политической деятельности экстремистского крыла российской эмиграции на Дальнем Востоке. Несколько особняком стоит в этом ряду исследование Б. Полевого «Белый Харбин» [7]. Выполненное в виде серии очерков, оно посвящено главным образом не военно-политической деятельности атаманов Г. М. Семенова, А. И. Дутова, И. Н. Красильникова, И. П. Калмыкова, а повседневному существованию русской эмиграции.

В период 1930—1950-х гг. тема российской эмиграции, и в том числе диаспоры на Дальнем Востоке, фактически становится запретной. В работах 1960—1970-х гг. данная проблема была в значительной степени освобождена от фальсификаций и штампов, избавлена от упрощенных схем и оценок, от элементов карикатуризации. В свет вышли работы В. А. Карамышева, А. И. Брюханова и ряда других авторов, многие аспекты существования российской эмиграции в Китае были освящены в фундаментальном исследовании «История Гражданской войны в СССР» [8].

Многие стороны культурной и общественной жизни российской диаспоры на Дальнем Востоке получили отражение в работах Л. К. Шкаренкова А. Л. Афанасьева, В. В. Комина, Н. Чистякова [9—11].

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в условиях происходивших изменений в политической и духовной жизни общества значительно вырос общественный интерес к истории российского зарубежья, в том числе и к дальневосточной ветви российской эмиграции. В данный период в российской историографии получила наибольшее освещение культурная жизнь российской диаспоры на Дальнем Востоке [12; 13].

Происходят процессы расширения источниковой базы исследований, смены научных парадигм, изменения методологических принципов исследований. Выходят в свет статьи С. В. Лазаревой, С. В. Онегиной, А. А. Хисамутдинова и др. [14—16]. Вопросы трудовой эмиграции на раннем этапе формирования мира российского зарубежья на Дальнем Востоке рассматриваются в работе Н. Л. Пушкаревой «Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом» [17].

В центре внимания монографии Н. Н. Аблажей «С востока на восток: российская эмиграция в Китае» — история российской диаспоры в Китае в XX в. На фоне политической и социально-экономической истории двух стран исследуются закономерности и факторы образования, трансформации и распада эмигрантского сообщества. Книга охватывает период от начала массовой эмиграции из России, связанной с событиями Первой мировой и Гражданской войн, до репатриации во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг.

Фактически автором предпринята попытка обобщающего исследования феномена российской диаспоры в Китае, осуществленная посредством изучения межгосударственной миграции, структуры иммигрантского сообщества, коллективного менталитета диаспоры и процессов инокультурной адаптации.

Монография состоит из четырех глав: «Формирование российской эмиграции в Китае», «Эволюция эмигрантского сообщества», «Азиатский вектор репатриационной политики СССР», «Распад диаспоры и интеграция репатриантов в советское общество».

Появление российской диаспоры в Китае тесно связано с демаркацией границы и колониальной политикой Российской империи. Развитие двусторонних связей между Россией и Китаем стимулировало межгосударственную миграцию. В структуре возврат-

ных миграций доминировала приграничная миграция, преимущественно маятниковая и сезонная. Часть миграционных потоков приобрела долговременный и безвозвратный характер. Эмиграция была вызвана демаркацией границы, хозяйственным освоением Маньчжурии, реакцией этнических групп российского приграничья на колонизацию окраин, национальными движениями, революцией и Гражданской войной.

Анализируя структуру межгосударственного миграционного потока, Н. Н. Аблажей отмечает, что значительное место занимала этническая миграция, наиболее разнообразная по структуре и масштабам. Переселение ряда этнических групп в Монголию и Китай было вызвано комплексом национальных, социально-экономических, политических и религиозных причин. Перемещение через государственные и административные границы некоторых этносов обусловливалось тем, что эти границы не совпадали с этнической территорией.

Наиболее распространенными были миграции крупных групп того или иного этноса, объединенных в кланы, роды, территориальные и религиозные общности, а в самом процессе перемещения доминировала цепная миграция, т. е. миграция какой-то части группы влекла за собой неизбежное скорое переселение и остальной ее части. Роль национального фактора в миграционном движении продолжала оставаться значительной на протяжении второй половины XIX в. и первой половины XX в.

Вынужденная миграция из России, вызванная Гражданскои войной, обусловила интенсивный приток беженцев в Маньчжурию и Синьцзян. За четыре года в Китай прибыло около 100 тыс. эмигрантов. Оценивая количественные показатели миграции за первую четверть XX в., Н. Н. Аблажей делает вывод, что из России в Китай переместилось почти полмиллиона человек. Масштабы миграции нарастали в начале столетия и достигли своего пика в период Первой мировой и Гражданской войн. Массовая эмиграция сопровождалась не менее масштабным возвращением. К середине 20-х гг. миграционные процессы, вызванные социальными катаклизмами в России, замедляются. Одновременно в основном завершается и процесс расселения эмигрантов.

В первой трети XX в. за счет эмиграции из Российской империи и СССР в приграничных регионах Китая резко увеличилась доля национальных меньшинств. Однако, по мнению Н. Н. Аблажей, в полной мере выявить влияние миграционного фактора на динамику роста их численности пока не представляется возможным. В Китае консолидация мигрантов из России происходила главным образом на территориях Синьцзяна и Маньчжурии. Здесь были во многом сходные с российскими климатические условия и природная среда, в силу чего, как отмечает автор, не наблюдалось непреодолимого отчуждения и радикальной смены доминирующих систем жизнеобеспечения.

Выявленные Н. Н. Аблажей документы позволяют реконструировать ход русской эмиграции на Дальнем Востоке. Так, русские эмигранты заселяли преимущественно Маньчжурию, в первую очередь города и поселения вдоль полосы отчуждения КВЖД и прилегающие к дороге районы. Наиболее плотно заселенной оказалась северо-западная часть Маньчжурии, и на протяжении первой трети XX в. вся полоса отчуждения КВЖД оставалась территорией, заселенной преимущественно русскими.

По линии КВЖД в первой трети XX в. было сконцентрировано около 70 % русскоязычного населения, большая часть которого проживала в самом Харбине. Фактически этот город стал центром и символом дальневосточной эмиграции. Поэтому впоследствии репатриантов в СССР из Китая называли «харбинцами».

До конца 1940-х гг. Харбин являлся одним из крупнейших центров русской диаспоры. В 1925—1935 гг. численность эмигрантов составляла 30—35 тыс. чел., советских граждан — 25—27 тыс., русских, которые приняли китайское гражданство, — 4—7 тыс. чел. За четверть века здесь появилось около сотни учебно-воспитательных учреждений начальной и средней школы, образованных

правлением дороги и частными лицами. Формирование российской высшей школы за границей происходило в 20-е гг. Первым возник Харбинский техникум (предшественник Харбинского политехнического института), позднее один за другим открылись Педагогический, Медицинский, Коммерческий институты, Институт Востока, Северо-Маньчжурский университет и др. высшие учебные заведения.

Важное место занимала проблема КВЖД, влияние феномена магистрали на правовой и политический статус эмигрантов. Как известно, диаспора была представлена белыми русскими («бай э»), советскими гражданами («суцяо» — советские эмигранты) и китайскими гражданами русской национальности. Анализ автора показывает, что численность той или иной категории фактически находилась в прямой зависимости от того, кто владел на тот или иной момент КВЖД, а также от характера взаимоотношений СССР с Китаем или Маньчжоу-Го, а фактически с Японией.

После признания Китаем СССР и перехода дороги в совместное владение резко вырастает численность советской категории русскоязычных граждан («суцяо»), а после продажи КВЖД в 1935 г. — резко уменьшается. В целом в Маньчжурии и Северном Китае численность русскоязычной колонии на вторую половину 20-х гг. оценивалась приблизительно в 155—170 тыс. чел. По данным Лиги Наций и Красного Креста, численность эмигрантов составила в 1930 г. — 127 тыс., в 1937 г. — 94 тыс. чел.

В структуре российской эмиграции северо-востока и севера Китая можно выделить помимо русской колонии и другие достаточно значительные этнические группы. Крупнейшей из них была еврейская. Большинство исследователей оценивают ее численность на начало XX в. в 1 тыс. чел., а спустя два десятилетия в ее составе было около 7 тыс. чел. Крупные организованные еврейские общины существовали в Харбине, Шанхае, Циндао, Дайрене, Мукдене и Тяньцзине. С приходом японцев некоторые еврейские общины были реорганизованы, но в целом в период оккупации положение еврейской колонии было достаточно стабильным. Деятельность еврейских общин в Китае была свернута во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. в основном в связи с массовым выездом еврейского населения в США, Канаду, Австралию и Израиль.

Значительной была украинская колония, численность которой, по разным источникам, колебалась в диапазоне от 2 до 20 тыс. чел. и более. Украинские национальные организации имелись в Харбине и Шанхае. Несмотря на то что достаточно широко были представлены ультранационалистические организации, украинская колония сохраняла пророссийскую ориентацию. Украинцы, вслед за казахами и русскими, оказались самой многочисленной этнической группой, большинство членов которой в 1940—1950-е гг. вернулись из Китая в СССР.

Эволюция эмигрантского сообщества рассматривается через историю двух взаимосвязанных этапов эмиграции: период совместного советско-китайского управления КВЖД и активной деятельности Коминтерна и период японской оккупации Маньчжурии и существования Маньчжоу-Го. Конфликт между СССР и Китаем, имевший место летом — осенью 1929 г., получил широкий международный резонанс и, по мнению Н. Н. Аблажей, оказал значительное влияние не только на стороны, непосредственно в нем участвовавшие, но также на сопредельные государства. Данный инцидент привел не только к военному столкновению между СССР и Китаем, но и к увеличению численности армий Тувинской Народной Республики и Монгольской Народной Республики в связи с «возросшей китайской угрозой», к закрытию китайско-монгольской границы, к прекращению торговых отношений Монголии с Китаем.

Последствия конфликта были преодолены в 1930—1931 гг., но лишь частично. Анализируя последствия конфликта, автор отмечает, что события 1929 г. стали свидетельством кардинальных изменений в отношениях с Китаем и признаком неизбежного сокращения в перспективе советского влияния в

Маньчжурии. Советское присутствие на КВЖД, с одной стороны, ущемляло суверенитет Китая, а с другой стороны, несмотря на временное улучшение советско-японских отношений, противоречило «особым» интересам Японской империи на северо-востоке Китая.

Оккупация Японией Маньчжурии и образование 18 февраля 1932 г. Маньчжоу-Го, а также продажа СССР КВЖД в 1935 г. коренным образом изменили структуру и численность русской диаспоры. Так, со второй половины 1930-х гг. русскоязычная диаспора Маньчжурии сократилась на треть. По мнению автора, стремление японо-маньчжурского режима максимально регламентировать функционирование всех общественных институтов, в том числе эмигрантских организаций, привело либо к полному запрету деятельности «нелояльных» эмигрантских обществ, либо к насаждению структур, образованных искусственным путем и механически объединивших все общественные союзы и ассоциации. Система регламентации общественной жизни эмиграции, созданная в Китае в конце 1930-х гг. японскими оккупационными властями, не была нацелена на удовлетворение внутренних потребностей колоний, а преследовала цель их всеобъемлющего контроля. В отличие от выросших снизу и самоорганизовавшихся обществ и ассоциаций 1920—1930-х гг. административные органы эмиграции, возникшие под эгидой государственной власти, имели достаточно жесткую структуру.

Наряду с возвратной миграцией в СССР на рубеже 1920—1930-х гг. автором анализируется массовая нелегальная эмиграция населения советского приграничья в Китай, вызванная коллективизацией и голодом.

Особое место занимает анализ репрессивной политики в отношении харбинцев и других групп реэмигрантов, которая осуществлялась на протяжении всех 1920—1930-х гг. и пик которой пришелся на период «большого» террора. Харбинцы квалифицировались как агентура японской и, реже, китайской разведок. Две трети из них, по мнению карательных органов, были «шпионами», почти треть — «активным контрреволюционным элементом» и очень незначительная часть проходила как «диверсанты». Проведенный автором анализ следственных дел второй половины 1937—1938 гг. показывает, что абсолютное большинство харбинцев осуждалось «двойками» и «тройками» при НКВД — УНКВД. Между тем подобная практика нарушала установленные процессуальные нормы в отношении лиц, подлежавших суду за «шпионаж и диверсии» в пользу иностранных государств, так как постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. определялось, что дела об измене Родине, шпионаже, терроре и диверсиях находятся в компетенции военных трибуналов и Военной коллегии Верховного суда СССР. В контексте изучения советской репрессивной политики в отношении реэмигрантов заслуживает внимания тема принудительных миграций с приграничных территорий. Репрессии в отношении репатриантов из Китая второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. изучаются в связи с проблемой послевоенной репатриации. Говоря о массовости репрессий по «харбинской линии», Н. Н. Аблажей особо подчеркивает тот факт, что количество репрессированных почти в 2 раза превысило количество советских граждан, въехавших в СССР после продажи КВЖД, поскольку волна репрессий захватила и реэмигрантов 1920-х — начала 1930-х гг. Относительно «харбинской операции» 1937 г. вполне справедливо замечание автора, что поводом для репрессий был скорее не национальный признак, а «связи с заграницей», которые ранее считались лишь основанием для подозрения.

В заключительных главах автором анализируется реэмиграционная политика Советского Союза в послевоенный период, в том числе подготовка и ход репатриации 1954—1961 гг. Автором даются количественные оценки масштабов послевоенной советизации белоэмигрантского сообщества в Китае. По мнению автора, советизация эмиграции после Второй мировой войны определялась целым комплексом факторов объективного характера, среди которых доминировали политические и экономические причины. На

фоне сокращения численности эмиграции произошел рост советской колонии в Китае: на середину 1930-х гг. она насчитывала не более 20 тыс. чел., а во второй половине 1940-х гг. увеличилась до 150—200 тыс. чел. После Второй мировой войны в Азии в отличие от Европы произошло сокращение, а не увеличение численности эмиграции. На взгляд автора, важнейшим итогом советизации стало то, что получившее советское гражданство русскоязычное население за пределами страны превратилось в мощный рычаг советского влияния.

Послевоенная волна реэмиграции носила как принудительный, так и добровольный характер. На фоне послевоенной репатриации масштабы реэмиграции были относительно невелики, однако она оказала влияние на миграционные и экономические процессы в восточных регионах страны. Провозглашаемые цели были в основном достигнуты. Кроме того, в ходе репатриации были отработаны механизмы ее реализации, которые оказались востребованными в 1950-е гг.

На взгляд Н. Н. Аблажей, в отношении реэмигрантов послевоенного времени государство преследовало две цели: «наказать» активных политических оппонентов советского режима и одновременно использовать их в качестве дополнительных трудовых ресурсов для восстановления послевоенной экономики. Эмигранты наряду с власовцами и некоторыми другими категориями репатриантов составили послевоенный спецконтингент. Лица, которые квалифицировались как «белоэмигранты» или «агенты иностранных разведок», были осуждены и содержались после войны в лагерях МВД СССР. Кампанию послевоенных репрессий в отношении белоэмигрантов в конце 1940-х — начале 1950-х гг. сменила новая волна политических преследований, затронувшая уже тех, кто добровольно вернулся в СССР. На взгляд автора, значительный интерес представляют дела, следственные мероприятия по которым были полностью завершены в Китае, а приговоры выносились военными трибуналами армий, участвовавших в Маньчжурской операции. К таковым Н. Н. Аблажей относит дела лиц, имена которых были широко известны в среде эмиграции. Многие из них в японский период входили в руководящий состав крупных эмигрантских организаций и на их счет существовали особые указания ГУКР «Смерш» НКО о депортации в СССР.

Вслед за первой волной эмигрантов, насильственно репатриированных в СССР в 1945 г., в 1947 г. на территорию Сибири и Урала начали поступать новые группы реэмигрантов из Китая. Централизованное управление трудовыми ресурсами и плановая экономика позволили в сжатые сроки согласовать численность данной категории мигрантов с потребностями советской экономики и обеспечить их распределение.

Осуществление репатриационной советско-китайской программы стало возможным благодаря нормализации взаимоотношений двух стран во второй половине 1950-х гг. Провозглашаемые цели были в основном достигнуты. Кроме того, в ходе репатриации были отработаны механизмы ее реализации, которые оказались востребованными в 1950-е гг.

В 1950-е гг. Советское государство разрабатывало и осуществляло достаточно либеральную репатриационную политику. В ходе глубокого анализа автор показывает процессы, позволившие максимально быстро реинтегрировать этнических переселенцев на исторической родине. Несмотря на значительный реэмиграционный поток на Урал и в Сибирь во второй половине 1950-х гг., восточные регионы страны продолжали терять население в результате неэквивалентного миграционного обмена с другими территориями СССР. Политика поощрения этнической миграции в Казахстан во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. привела к увеличению численности титульной нации за счет репатриантов и в целом способствовала росту казахского населения республики.

Наряду с расширением использования иностранной рабочей силы в экономике предусматривалось за счет репатриантов из КНР и стран Восточной Европы привлечь дополнительные трудовые ресурсы в аграрный сек-

тор, в первую очередь для освоения целинных и залежных земель в Казахстане и Сибири. Репатриация из Китая продолжалась до 1962 г., и в ее ходе в СССР практически полностью выехало русскоязычное население этой страны.

В заключение Н. Н. Аблажей подчеркивает, что российская диаспора в Китае не была статичной, пройдя исторический путь от зарождения до распада. Ранняя эмиграция, будучи трудовой по характеру, стала базой для образования диаспоры. Формирование культурной целостности произошло за счет притока интеллектуальной элиты. В период роста диаспора интегрировала в себя ранее сложившиеся торговые, этнические и религиозные общины, а также всех эмигрантов и беженцев.

На основании изучения эмигрантских центров и территорий компактного проживания автор отмечает, что эмигрантское сообщество обладало сложной и многоуровневой организационной структурой, которая являлась одновременно условием и следствием адаптации эмигрантов к новой социальной и этнокультурной среде обитания.

Наряду с многонациональной структурой диаспоры ее отличительной специфичной чертой на протяжении всей полувековой истории оставался национально-государственный компонент. Это, по мнению Н. Н. Аблажей, объясняется наличием в ней двух политически противопоставленных составляющих — Белой эмиграции и советской колонии, из которых доминировала в разное время то одна, то другая. На взгляд автора, несмотря на то, что диаспора ощутимо эволюционировала, логика ее развития была предопределена. Ее распад был ускорен внутренними процессами и внешнеполитическими событиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мелихов, Г. В.* Российская эмиграция в Китае (1917—1924 гг.) / Г. В. Мелихов. М. : Ин-т российской истории РАН, 1997. 245 с.

2. *Говердовская, Л. Ф.* Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917—1931 гг. / Л. Ф. Говердовская. М. : Ин-т Дальн. Вост., 2000. 176 с.

3. *Печерица, В. Ф.* Духовная культура русской эмиграции в Китае / В. Ф. Печерица. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 276 с.

4. *Кичкасов, Н.* Белогвардейский террор против СССР: по материалам процесса пяти монархистов-террористов / Н. Кичкасов. М. : Литиздат НКИД, 1928. 63 с.

5. *Минаев, В. Н.* Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР / В. Н. Минаев М. : Воениздат, 1940. 216 с.

6. *Михайлов, Е. А.* Белогвардейцы — поджигатели войны / Е. А. Михайлов. М. : Партиздат, 1932. 64 с.

7. *Полевой, Б.* По ту сторону китайской границы. Белый Харбин / Б. Полевой. М.; Л. : Госиздат, 1930. 87 с.

8. История гражданской войны в СССР: в 5 т. М. : Госполитиздат, 1960. Т. 5: Конец иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. Ликвидация последних очагов контрреволюции (февраль 1920 — октябрь 1922) / редкол.: С. М. Буденный [и др.]. 420 с.

9. *Шкаренков, Л. К.* Агония белой эмиграции / Л. К. Шкаренков. М. : Мысль, 1987. 236 с.

10. *Афанасьев, А. Л.* Полынь в чужих краях / А. Л. Афанасьев. М. : Мол. гвардия, 1987. 283 с.

11. *Чистяков, Н.* Разгром семеновщины / Н. Чистяков // По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. 2-е изд., доп. М. : Воениздат, 1979. С. 117—133.

12. *Таскина, Е. П.* Неизвестный Харбин / Е. П. Таскина, М. : Прометей,1994. 159 с.

13. *Соколов, А. Г.* Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х гг. / А. Г. Соколов М. : Изд-во МГУ, 1991. 180 с.

14. *Лазарева, С. В.* «Союз русских женщин» со свастикой / С. В. Лазарева // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 3. С. 152—155.

15. *Онегина, С. В.* Пореволюционные политические движения российской эмиграции в 20—30-е гг.: (К истории идеологии) / С. В. Онегина // Отечественная история. 1998. № 4. С. 87—99.

16. *Хисамутдинов, А. А.* Русские в Дальнем — Дайрене / А. А. Хисамутдинов // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 145—152.

17. *Пушкарева, Н. Л.* Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом / Н. Л. Пушкарева // Отечественная история. 1996. № 1. С. 53—69.

А. И. Курицын, студент исторического факультета БГУ